

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

16–17 мая 2002 года в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы (Республика Беларусь) прошли очередные IX международные научные чтения в честь выдающегося ученого-слависта академика Е.Ф. Карского.

Международные Карские чтения проводятся с 1990 г. по инициативе кафедры русского языка Гродненского государственного университета в целях изучения, пропаганды и развития идей и научной школы Е.Ф. Карского, уроженца Гродненщины. Кроме белорусских ученых, в чтениях постоянно принимают участие филологи Литвы, России, Польши, Украины. Были и совместные международные проекты проведения Карских чтений. Так, VII Карские чтения под названием "Антропоцентрический подход в исследовании языка" были проведены в 1998 г. в Нежинском, тогда педагогическом институте, ныне университете имени Н.В. Гоголя, в alma mater академика (о чем была информация А.С. Белой в "Вопросах языкознания"). Следующие за ними VIII Карские чтения под названием "Язык в свете классического наследия и современных парадигм" были проведены уже в пределах республики совместно с Гродненским и Белорусским государственными университетами в декабре 2000 года к 140-летию ученого. Дважды (в 1990 и 2000 гг.) в чтениях принимала участие внучка ученого, известный филолог из Санкт-Петербурга, Т.С. Карская.

IX Карские чтения состоялись под традиционным названием "Е.Ф. Карский и современное языкознание". География участников (а их было свыше 80 человек, заявлено же еще больше – 123) значительно расширилась: в Гродно приехали также ученые из Казахстана и Японии. Расширилась она и применительно к научным центрам и вузам России и Украины: кроме постоянных участников – филологов Московского и Нежинского госу-

дарственных университетов, с которыми у гродненских ученых существует долгое творческое сотрудничество, в чтениях участвовали ученые из Санкт-Петербурга и Салехарда, из Луцка и Каменец-Подольского, из Львова и Одессы. Пополнился состав участников из Польши: в соответствии с Договором о сотрудничестве между ГрГУ и Белостокским университетом прибыла делегация лингвистов из Белостокского университета. Белорусские ученые представили на чтениях почти все университеты республики.

IX Карские чтения открыл ректор Гродненского госуниверситета проф. С.А. Маскевич, с приветственным словом выступил также декан филологического факультета ГрГУ В.К. Церлюкевич.

Широкий диапазон вопросов (а тематика чтений это предусматривала) обсуждался на трех пленарных и шести секционных заседаниях.

На первом пленарном заседании было заслушано семь докладов. М. Кондратюк (Белосток) в докладе "Академик Е.Ф. Карский как начинатель исследований белорусских говоров западной части бывшей Гродненской губернии" охарактеризовал методику и результаты исследований Карского как диалектолога, дал информацию о состоянии исследований белорусских и переходных говоров на указанной территории (ныне северо-восточной части Польши) польскими диалектологами. В докладе Е.И. Янович (Минск) "Е.Ф. Карский-палеограф" рассмотрены основные труды ученого в области славянской палеографии: курс лекций, работы по описанию и изданию древних славянских памятников, работы по белорусской палеографии, основоположником которой он являлся. Отмечена характерная черта Карского-палеографа: тесная связь палеографических и историко-лингвистических интересов. М.В. Всеволодова (Москва) в докладе "Словосочетание как объект функционально-коммуникативной

модели языка" предлагает иное, в соответствии с прикладной моделью языка, понимание словосочетания как полифункциональной единицы синтаксиса, обладающей денотативной, сигнификативной и формальной синтаксической структурой, проявляющей свои свойства только в конкретном предложении-высказывании. Дается типология словосочетаний в соответствии с их полевой организацией по степени связанности компонентов, перечисляются функции словосочетания, указываются факторы, обуславливающие эти функции. В докладе В.И. Ковалёва (Гомель) "О фразеологических эвфемизмах в народных песнях о любви" вскрывается глубокий эротический код, заложенный в белорусских народных песнях и реализованный в эвфемистических ФЕ с лексемами *конь, ведро, венок, гриб*. Доклад Р.В. Железновой в соавторстве с Н.А. Качаловой (Москва) "Русская историческая ономастика как важнейший лингвистический источник реконструкции апеллятивной лексики XI–XVII вв." свидетельствует, что многие слова древнерусского ономастикона суть производные от апеллятивов, уже существовавших в системе языка. Неподдельный интерес аудитории вызвал доклад А.А. Гируцкого (Минск) "Тетраграмма YHWH и ее формальная и семантическая интерпретация", в котором рассматривается история возникновения и судьба в библейских текстах известной тетраграммы. Идея доклада "К типологии единиц релятивной грамматики: компараторы идентификационного тождества и абсолютива" М.И. Конюшковой (Гродно) состоит в обосновании необходимости еще одного уровня лингвистического анализа – уровня релятивной грамматики; показывается типология средств этой грамматики с двумя разновидностями отношения – отношения идентификационного тождества и отношения абсолютива как двух полярных видов отношения на шкале "экватив – компаратив". В докладе Л.В. Зубовой (Санкт-Петербург) "Древнерусский язык в поэтическом отражении: Виктор Соснора" дается анализ и оценка "востребованности современной постмодернистской поэзией прежних структур", когда казалось бы навсегда утраченные свойства языковой единицы вновь становятся ощутимыми в особых условиях стихотворного текста, а это "позволяет утверждать, что поэзия активно отражает предшествующие, а нередко и вероятные будущие языковые состояния".

На втором пленарном заседании С.В. Конявская (Москва) показала возможности использования дискурсив-

ных характеристик для жанровой классификации и сопоставительных исследований текстов, принадлежащих разным временным срезам ("Древнерусская словесность и понятие дискурса"). В докладе А.С. Белой (Нежин) обращается внимание на то, как исследовательское кредо Е.Ф. Карского – каждый факт белорусского языка рассматривать на фоне других славянских языков – проявляется в исследовании украинско-белорусских языковых связей на фонетическом и лексическом уровнях. Б.К. Мурзалкина (Алматы), раскрывая взаимодействие значений, выражаемых лексико-грамматическими, интонационными средствами и контекстом, делает сопоставление семантико-прагматического потенциала русского и казахского предложения, отмечает больший интонационный диапазон высказывания в русском языке и более выраженную роль лексико-графических средств в казахском языке ("Семантико-прагматический потенциал высказываний, конкретизируемый интонационными средствами"). Доклад "Вариативность и синонимика безличных стальных предложений" Н.Н. Арват (Нежин) посвящен разграничению вариантных и синонимичных безличных стальных предложений и выявлению в каждой из этих разновидностей инвариантного предложения. Насыщенный интересными иллюстрациями доклад "Межэтническое общение в свете этнолингвистики" И.И. Токаревой (Минск) пронизан идеей необходимости системной интеграции социологии, лингвистики и этнографии в новой парадигме коммуникации без эгоцентризма и негативной стереотипизации. В докладе Е.В. Ничипорчик (Гомель) "Русские, итальянские и немецкие пословицы со структурой тождества: универсальное и специфическое" рассмотрены как общие, так и специфические для трех неродственных языков семантико-синтаксические модели со структурой тождества.

На третьем, заключительном, пленарном заседании были заслушаны два доклада. И.М. Кобозева (Москва) на примере реплик диалога героев "Мертвых душ" Гоголя рассматривает в докладе "Архитектура прагматического компонента модели порождения высказывания" модули прагматического компонента модели порождения высказывания, минимально необходимые для достижения коммуникативной цели. М.В. Всеволодова во втором своем докладе "К вопросу о предлоге как части речи" предложила опереться на полевою организацию этой части речи, включающую несколько концентроров в зависимости от степени "оп-

редложенности" лексем, входящих в данное поле.

В силу сжатости времени, отведенного на секционные заседания (полдня), работало шесть секций.

Заседание секции "Функциональная грамматика" открыл доклад М. Номати (Токио) «О так называемом "дательном падеже принадлежности" с коммуникативной точки зрения», в котором рассматриваются условия употребления дательного падежа принадлежности и его коммуникативная роль по сравнению с аналогичными по семантике родительным падежом существительного и притяжательным местоимением. Реализация собственно целевого значения в "малых" жанрах русского и белорусского фольклора была предметом рассмотрения в одноименном докладе В.Л. Лещенко (Гродно). Специализация абсолютных глаголов, порождающих три типа одновалентных предикатов – действия, процесса и состояния – была проанализирована в докладе Н.Б. Иванецкой (Винница) "Функциональные параметры абсолютных глаголов украинского языка в семантико-синтаксической структуре предложения". Значение собственно противоречия как одна из субкатегорий дипласивной семантики (семантики временного равновесия сходного и различного) было предметом доклада Е.П. Пустошило (Гродно). Диапазону и специфике актантных ролей слова *больной* в медицинских текстах посвятила свой доклад И.В. Песоцкая (Гродно), сопоставлению способов реализации в русском и белорусском языках типовой ситуации внешней причины осознанного действия – доклад И.А. Усаченко (Гродно). В докладе Л.И. Смольской (Гродно) на материале языка газеты дается описание экспликаторов значения неопределенности субъекта в различных типах конструкций, в докладе Е.В. Близинок (Минск) рассматривается комплекс факторов, определяющих понятие глагольного управления. О направлениях формирования модальной семантики нежелания, невозможности в восточнославянских языках – тема доклада О.Н. Мельниковой (Гомель). Преломлению логической модели сложного предложения в область риторики, использование структуры данных конструкций как средства развития "идей" посвящен доклад Г.Н. Жданени (Гродно). Функциональные особенности внутрисистемных значений применительно к созданию семантического словаря для поиска информации и реферирования письменных

научных текстов показаны в докладе А.Ю. Станкевич (Гродно).

В секции "Словообразование и номинативная деривация в славянских языках" обсуждались вопросы совмещения диахронического и синхронического подходов в исследовании словообразовательных процессов. Соотнесенность/несоотнесенность глаголов состояния и действия и их дискретных коммуникативных соответствий были темой доклада А.В. Никитича (Гродно). В аналогичном аспекте рассматривались глаголы и аналитические наименования деятельности лица как деривационные сочетания глагола в докладе А.Н. Овчинниковой (Гродно), межъязыковая асимметрия деривационных полей глаголов эмоционального состояния в русском и белорусском языках показана в сообщении О.А. Кот (Гродно). Сопоставление дериватов с суффиксом *-н-* в русском и белорусском языках проводилось в докладе О.А. Фелькиной (Брест). М.В. Золотова (Минск) на материале болгарского и белорусского языков показала возможные пути семасиологического подхода к сопоставительным исследованиям глагольной префиксации. Контекстные условия появления производных существительных с целью свертывания пропозиции на материале текстов произведений В. Токаревой анализировались в докладе О.В. Костюкевич (Минск). Деривационные процессы в русской экономической терминологии проанализированы в докладах В. Мешковской (Белосток) и А.Ю. Корнеевой (Москва), ботанической терминологии в белорусском языке – в докладе Е.Н. Лапковской (Гродно).

Широкий спектр проблем общения был предметом обсуждения в секции "Прагмалингвистика". В докладе Т.А. Пивоварчик (Гродно) очерчивается объем понятия "категория персонализации", которую она понимает как прагмалингвистическую категорию, выражающую представление говорящим себя и других в системе ролей (коммуникативных, ситуативных, социальных), "встраивание" позиций каждого коммуниканта в общую речевую ситуацию. Эволюция концептуального в речевом этикете восточных славян понятия *Привет* исследуется в докладе Н.С. Гребенчиковой (Гродно), случаям метафоризации номинаций лица в российском арго посвящен доклад И. Хомко (Белосток). Возможности Словаря Даля для исследования этностереотипов и их места в русском языковом сознании продемонстрированы в докладе О.В. Потаповой (Минск). Особенно пристальное внима-

ние исследователей касалось вопросов учета лингвопрагматического компонента языковой единицы при сопоставлении языков. Так, А.Г. Павловская (Гродно) обратила внимание на важность учета эмфатических средств при переводе древнегреческих текстов Евангелий на другие языки – английский, русский, белорусский. Сопоставительной типологии безэквивалентных ФЕ (дифференцируются этнолингвистические, собственно безэквивалентные и аналоги ФЕ), эксплицирующих невербальные средства коммуникации, посвящен доклад Ж. Червинской-Сладкевич (Гданьск), сопоставлению антропонимических моделей английского и белорусского языков – доклад Л.В. Викторко (Минск). В докладе Е. Конёвал (Белосток) прослеживаются успехи и неудачи перевода на польский язык экспрессивных обращений в "Бедных людях" Ф.М. Достоевского.

Несколько докладов было посвящено вопросам общения. В докладе О.В. Гилевой (Гродно) рассматривается генезис понятия "интерактивный аспект общения", конкретизируется типология стратегий взаимодействия коммуникантов. Типология стереотипов разговорной речи студентов г. Могилева дана в докладе М.В. Ладутько (Могилев), отмечена тенденция к использованию студентами экспрессивных и табуированных лексем в условиях становления группообразования и естественной иерархии. Применение теории лица Э. Гоффмана в объяснении природы ритуализованного вербального поведения демонстрируется в докладе И.А. Бережного (Минск), практические рекомендации для формирования навыков ведения деловой беседы даются в докладе Л.И. Мамонтовой (Могилев).

Секция "Язык в пространстве и времени" объединила исследования историко-этимологического, социолингвистического и диалектологического характера.

Историко-этимологический анализ названий фруктов и их функционирование в современных русском и польском языках был дан в докладе И. Лукашук (Белосток), о различиях лексических вариантов и глосс в текстах памятников письменности XI–XVII вв. говорилось в докладе М.А. Бурибаевой (Алматы), родовые и видовые праславянские названия хлеба в русском и белорусском языках были предметом рассмотрения в докладе Н.И. Шабулдаевой (Гомель). Анализ трансформаций лексики с семантическими изменениями (дифференциацией, конкретизацией, генерализацией значений) в переводах со старорусского на польский делала в

своем докладе Б.Е. Подешвик (Белосток), а предметом внимания ее белостокской коллеги Л. Цитко был анализ графики и орфографии "Хроники Быховца", произведения XVI в. транслитерированного с западнорусского (старобелорусского) языка на польский. В докладах могилевских лингвистов Л.И. Шаповаловой и В.Б. Сузанович, исследовавших языковую ситуацию в малых городах и сельской местности Верхнего Поднепровья, русско-белорусское двуязычие характеризуется как двуязычие с неразграничением общественных функций русского и белорусского языков и с необозначенностью приоритетов белорусского языка по сравнению с русским.

Диалектология на секции была представлена докладом исследователя из Бреста В.В. Борисюка, посвященным анализу особенностей падежных форм существительных в вядском (на Полесье) говоре, а также докладом Н.А. Даниловича (Гродно), определившим критерии выделения фразеолого-синтаксических диалектизмов.

Теоретическим и практическим аспектам формирования языкового сознания и языковой личности была посвящена работа секции "Языковая личность и языковое сознание". Языковое сознание студента как языковой личности стало предметом внимания в докладах Л.П. Мухаммад в соавторстве с Х.И.А. Мухаммад (Щекино) и Е.К. Сычовой (Могилев). В первом докладе на основе уточнения понятий "личность как реальность" и "личность как модель" предлагается методология обучения РКИ, основывающаяся на параллельном формировании противоположных типологических свойств личности, на интегрирующей когнитивно-вербальной речевой деятельности студента-инофона. Во втором докладе на материале употребляемой в разговорной речи студентов лексики был обрисован вуз в языковом сознании студента. На анализе синонимии глаголов говорения в белорусском литературном языке и диалекте, рассмотренных в акустическом аспекте, представлено языковое сознание "человека говорящего" в докладе И.С. Лисовской (Гродно). О необходимости риторики как необходимой составляющей в формировании языковой личности, а также пути "риторизации" образования (среднего и высшего) в Беларуси и России говорилось в докладах С.М. Антоновой (Гродно), Е.Н. Новик (Гродно), С.Е. и Е.Б. Тихоновых (Салехард).

Лингвотекстологической и лингвокультурологической про-

блематике была посвящена работа секции "Язык. Литература. Культура".

В докладе М.Д. Путровой (Новополоцк) приводятся экспериментальные доказательства текстообразующей роли голоса, постулируется важность передаваемой голо- сом гендерной информации. С.А. Горская (Гродно) предлагает трактовку концепта "озеро", основанную на известной системе четырехступенчатой (исторической, тропологической, аллегорической, анагогической) классификации смыслов Св. Писания. Сопоставительный обзор наблюдений над символикой солнца и воды в свадебных обрядах славянских и других народов дается в докладе О.В. Касперович (Минск), основные сакральные функции колоратива "красный" в текстах русских и белорусских заговоров на фоне других славянских культур – в докладе И.Г. Евтуховой (Гомель). Типологии авторской афористики Я. Коласа посвящен доклад Ю.В. Назаренко (Минск), цветописы ранних произведений К.Г. Паустовского – доклад Т.В. Павлюкевич (Гродно), в котором, в частности, автор подвергает сомнению существующее утверждение, что любимым цветом писателя был серый: количественные данные свидетельствуют о том, что романтизм раннего Паустовского проявляется в тяготении к черному цвету. Анализ метонимии и синекдохи в теории тропов и фигур византийского филолога Хировоска (VI) дан в докладе О.Г. Прокопчук (Минск). Н.Г. Музыченко на материале словарных дефиниций, речевых клише и результатов ассоциативного эксперимента обрисовала концептосферу слова *гора* в русской лингвокультуре. Подчеркнув пионерский характер некоторых на-

учных положений Е.Ф. Карского, Т.Г. Бобкова (Могилев) на ряде фактов из истории науки и культуры привела примеры других белорусских приоритетов в этих областях человеческого знания.

При подведении итогов IX Карских чтений выступающими отмечались высокий представительский и научный уровень данной конференции, ее растущая популярность в научных кругах, исследовательская компетентность и активность молодых ученых. Но главное достижение чтений – это усиливающееся и расширяющееся внимание отечественных и зарубежных лингвистов к научному наследию и личности Е.Ф. Карского, это востребованность его фундаментального труда "Белорусы", прочтение этого труда с позиций современной научной парадигмы и убежденность в актуальности многих его положений, это приобщение к научной школе и личности ученого-подвижника.

Сборник материалов чтений в двух частях подготовлен к изданию и выйдет из печати в первом квартале 2003 года.

Следующие, X Карские чтения (дважды юбилейные, к 145-летию Е.Ф. Карского) планируется провести в мае 2005 года. Оргкомитет Карских чтений обращается к представителям всех университетов и научных центров, которые в той или иной мере связаны с именем, научным наследию и деятельностью Е.Ф. Карского (Санкт-Петербургский, Московский, Киевский, Варшавский университеты, Российская и Чешская академии наук и др.), с просьбой принять участие в подготовке к юбилейным Карским чтениям и ждет предложений.

М.И. Конюшкевич (Гродно)

5–7 июля 2002 г. в монастыре Кре-Берар (кантон Во, Швейцария) состоялся международный коллоквиум "Философские, эпистемологические и идеологические основания дискурса о языке в СССР. 1917–1950", организованный Центром исследований в области сравнительной эпистемологии центрально- и восточноевропейской лингвистики и Отделением славистики Лозаннского университета. На коллоквиуме был заслушан 21 доклад специалистов из России, Грузии, Эстонии, США, Великобритании, Франции, Швейцарии, Чехии, Испании, Израиля. Тематика докладов была достаточно ши-

рокой, нередко выходя за содержательные и временные рамки, установленные названием коллоквиума.

Как подчеркнул в обращении к участникам коллоквиума его организатор – профессор Лозаннского университета П. Серно, – одна из основных целей проведения коллоквиума состоит в изучении мало исследованного аспекта советской культуры 1917–1950 гг., связанного с разными подходами к понятию "язык". При этом было бы интересно обратиться не только к работам профессиональных лингвистов, но и к трудам представителей других специальностей, затрагивающих языковые проблемы, а также к

анализу проектов искусственных языков того времени, языковых утопий, понятия "марксистской науки" и отношений между наукой и идеологией.

В докладе П. Серию речь шла о теоретических основах концепций Р. Якобсона в 20–30-е гг. Отмечено, в частности, влияние, которое испытали Якобсон и евразийцы в целом со стороны немецкой романтической философии и антидарвинистских биологических концепций XIX в. и начала XX в. Последние концепции повлияли на некоторые постулаты Р. Якобсона: отказ от идеи случайного в языковом развитии, интерес к типологии, телеология, языковая конвергенция и др. Особую значимость, по мнению П. Серию, приобрели для евразийцев идеи номогенеза Л.С. Берга. Тематически к этому докладу примыкал доклад К. Кулля (Тарту), где говорилось о связи между методологией биологии и лингвистики; три основных способа понимания эволюции в биологии: лестница (господствовавшая по XVIII в. включительно), дерево (в дарвинизме и др.) и сеть (у некоторых ученых XX в.) – нашли отражение и в концепциях развития языков, причем в обеих науках древесный подход (ср. дарвинизм и классическую компаративистику) получил наибольшее развитие, а более глубокие, по мнению докладчика, идеи Л.С. Берга, А.А. Любищева и лингвистов, допускающих как конвергенцию, так и дивергенцию языков, не стали господствующими. Р. Якобсону также был посвящен доклад Т. Гланца (Прага), где анализировалась терминология неизданного курса этого ученого о русском формализме (1935 г.), в частности, метафорическое использование военных терминов.

О "двух разных лингвистиках" межвоенного периода в СССР шла речь и в тезисах Т.М. Николаевой (Москва), к сожалению, не приехавшей на коллоквиум. Для первой лингвистики была важна проблема исходных первичных единиц языка, имеющих диффузную семантику, – в связи с этим естественным кажется интерес исследователей (С. Карцевский, марристы, отчасти Л.В. Щерба) к происхождению языка и его ранней эволюции. Второе направление связано с Московским лингвистическим кружком и развитием фонологии, а также с последующим "поуровневым" представлением языка. Первая лингвистика практически исчезла после войны, а тотальная "фонологизация" языкознания принесла отечественной лингвистике не только пользу, проявившуюся в построении абстрагированных систем, но и вытеснение некоторых проблем языкознания из поля зрения лингвистов.

В двух докладах рассматривалось влияние марксизма на советскую науку о языке. В.М. Алпатов (Москва) рассматривал различные попытки построения марксистской лингвистики в СССР в 20–30-е гг.: у марристов, языкофронтовцев, Е.Д. Поливанова, В.Н. Волошинова. В докладе А.Д. Дуличенко (Тарту) речь шла о проектах всеобщего языка коммунизма в марксистской перспективе. Отношение марксистов к искусственным языкам в разное время было разным, и акцент ставился на разных аспектах данной проблематики. Концепции создания "пролетарского эсперанто", одно время поддерживавшиеся и Н.Я. Марром, были связаны с тезисом И.В. Сталина о том, что в коммунистическом будущем все языки сольются в один. Однако позднее И.В. Сталин говорил о формировании так называемых зональных языков – естественных языков международного распространения, – которые выполняли бы функции всеобщих; это исключало разработку искусственных международных языков. В докладе рассмотрены идеи Э.К. Дрезена и других исследователей проблемы международного вспомогательного языка в 20-е гг.

Среди советских ученых рассматриваемого периода наибольшего внимания на коллоквиуме удостоились наиболее известные на Западе Н.Я. Марр и М.М. Бахтин. Е. Вельмезова (Москва–Лозанна) сопоставила лингвистические, литературоведческие и биологические концепции 20–30-х гг. По ее мнению, в каждой из этих дисциплин делались попытки "стирания границ" между основными объектами своего изучения, будь то язык, литературный жанр или биологический вид. Предложенный Т.Д. Лысенко метод предполагал возможность скрещивания растительных видов, Н.Я. Марр говорил о скрещении языков, тогда как О.М. Фрейденберг обсуждала условный и относительный характер границ, разделяющих литературные жанры. Во всех этих науках менялся и характер взглядов на эволюцию языков, жанров или видов. Вслед за антидарвинистской концепцией Л.С. Берга (эволюция видов осуществляется путем конвергенции), Н.Я. Марр в противоположность традиционной схеме развития языков в компаративистике предполагал развитие языков от исходного множества к единству; наконец, О.М. Фрейденберг ставила целью своих исследований раскрытие "схождений" "разнородного" в эволюции литературных жанров.

О Н.Я. Марре говорилось также и в докладе Т. Гванцеладзе (Тбилиси) в связи с его полемикой с грузинскими учениками и в докладе К. Брендиста (Шеффилд), где

ставился вопрос о возможном влиянии на М.М. Бахтина некоторых марровских идей. В.Н. Базылев (Москва) говорил о явлении, названном Б.А. Серебренниковым "неомарризмом", выделяя попытки некоторых лингвистов в разные периоды возродить ряд идей Н.Я. Марра; эти попытки он связывал с изменениями политической ситуации в стране.

Еще больше говорилось на коллоквиуме о М.М. Бахтине и о "волошиновском цикле" (отметим, что никто из докладчиков не отрицал той или иной степени участия В.Н. Волошинова в написании работ, изданных под его именем, а некоторые признавали его их основным автором). К. Брендист рассматривал возможные источники идей бахтинского круга по вопросам языка; помимо Н.Я. Марра он обращал внимание на К. Бюлера и Л.П. Якубинского. К. Збинден (Лозанна-Шеффилд) рассказала о философских основаниях бахтинской концепции диалога, упомянув, в частности, такие несовместимые модели представлений, как гегельянство и неокантианство; в докладе также говорилось об отношении М.М. Бахтина к русским формалистам. Б. Вотье (Мадрид) говорила о восприятии идей М.М. Бахтина на Западе. Отчасти примыкал к этой группе и доклад К.А. Долинина (Санкт-Петербург), который, отвергая концепцию функциональных стилей В.В. Виноградова, предлагал в качестве альтернативы развитие концепции речевых жанров, разработанной М.М. Бахтиным в 50-е гг.

На коллоквиуме рассматривались и идеи ученых, недостаточно известных за пределами России и СНГ. И. Иванова (Санкт-Петербург-Женева) говорила о концепции диалога Л.П. Якубинского. Как подчеркнула исследовательница, становление теории диалога можно считать одной из наиболее характерных особенностей мировой лингвистики последней четверти двадцатого века; при этом создателем теории диалога обычно считают М.М. Бахтина, хотя Л.П. Якубинский развивал теорию диалога раньше и его следует считать ее родоначальником. Т. Болквадзе (Тбилиси) рассказывала о лингвистических идеях совершенно не известного на Западе А.С. Чикобава, о его оценках теорий Г. Пауля, Ф. де Соссюра, Н.С. Трубецкого, В. Брендаля и др., о его последовательной борьбе с марризмом.

Отметим также доклад Ж. Фридриш (Женева) о специфике концепции внутренней речи Л.С. Выгодского и ее связи с другими лингвистическими теориями 20–30-х гг., в том числе работами членов Пражского лингвистического кружка и Л.П. Якубинского. Рассмотрение идей Л.П. Якубинского сразу в

трех докладах коллоквиума показывает, что они вызывают к себе все больший интерес в мировой науке.

Особое место на коллоквиуме занимали доклад Л. Геллера (Лозанна) о русских утопистах, в частности, о малоизвестной книге И.В. Виноградова "Теория мирового разума" и о работах П. Успенского, и доклад Б. Гаспарова (Нью-Йорк), посвященный эволюции мировоззрения О.Э. Мандельштама в 30-е гг., проявившейся в его поэтическом языке; в последнем докладе проводились параллели между О.Э. Мандельштамом, М.М. Бахтиным и Н.Я. Марром.

Наконец, целая группа докладов была посвящена советской языковой политике в 20–30-е, а иногда и в последующие годы. Сразу в двух докладах: К. Вулизера (Остин, США) и В. Симанек (Париж), говорилось о языковой политике в Белоруссии в 20–30-е гг., не раз менявшейся, и о различных концепциях развития белорусского языка. Как отметил К. Вулизер, шла борьба между "национал-демократами", стремившимися оградить язык от иностранных заимствований в целях повышения национального самосознания белорусов, и их противниками, которые ратовали за сближение белорусского языка с русским, что способствовало бы, по их мнению, преодолению "национальной ограниченности" жителей Белоруссии. П. Векслер (Тель-Авив) сопоставлял языковую политику в отношении идиша в СССР в 20–30-е гг. и в других странах, показывая, насколько поразному шли нормализационные процессы. В докладе также высказывалась концепция об идише как смешанном, креольском языке (сходные идеи когда-то высказывал И.А. Бодуэн де Куртене): при преобладании германизмов в базовой лексике грамматика здесь во многом славянского происхождения.

Наиболее общие вопросы языковой политики в СССР рассматривались в уже упомянувшемся докладе Т. Гванцеладзе и в докладе Н.Б. Вахтина (Санкт-Петербург). Первый на материале языков Кавказа, а второй на материале языков народов Севера дали крайне негативную оценку советской языковой политики за весь период 1917–1991 гг., в то же время отмечая различия этой политики до и после середины 30-х гг. Если первоначально много внимания уделялось развитию самых малых языков, созданию письменностей и установлению литературных норм, то затем возобладала форсированная русификация. Т. Гванцеладзе в целом положительно оценивал сделанное в первые десятилетия после революции, тогда как, по мнению Н.Б. Вахтина, и эта политика была не-

эффективной, основываясь на утопических представлениях. Последующую русификаторскую политику оба докладчика оценили резко отрицательно, расходясь, однако, в объяснении ее причин: то, что Т. Гванцеладзе считает результатом сознательной злой воли, Н.Б. Вахтин скорее приписывает низкой культуре и непоследовательности советского руководства. В прениях по обоим докладам отмечалось, что советский опыт в области развития малых языков все-таки содержал и немало положительного.

Коллоквиум завершился общей дискуссией, участники которой, горячо поблагодарив

организаторов, отметили, что коллоквиум стал первой в Западной Европе конференцией, посвященной эпистемиологии советской лингвистики. В самой России эпистемиологические исследования в области истории лингвистики ведутся сегодня очень немногими, а потому тем более интересным, по словам П. Серию, было организовать встречу не в России, а на "нейтральной почве", в Швейцарии. Все участники коллоквиума выразили надежду на дальнейшее сотрудничество и научные контакты.

В.М. Алпатов, Е.В. Вельмезова (Москва)

10–12 сентября 2002 года в г. Брно (Чехия) состоялся этимологический симпозиум. Регулярные встречи этимологов в кругу специальных симпозиумов стали эффективной научной традицией, начало которой было положено симпозиумом, организованным в 1967 г. Отделом этимологии Института русского языка АН СССР в Москве.

В Брно это мероприятие проведено уже во второй раз (первый был в 1999 г.) и было организовано Этимологическим отделом Института чешского языка АН ЧР. Коллектив Отдела имеет фундаментальные научные традиции и создает этимологический словарь старославянского языка (опубликовано 11 выпусков).

Научной деятельности и инициативе брненских этимологов оказывают внимание и поддержку научная и городская администрация. На открытии симпозиума выступили с приветствиями мэр г. Брно доктор П. Духонь, декан философского факультета Университета им. Масарика докт. Я. Павлик, директор Института чешского языка АН ЧР докт. С. Чмейркова, вице-президент АН ЧР докт. Л. Петранёва, председатель чешского национального комитета славистов проф. И. Поспишил. В симпозиуме приняли участие ученые из 11 стран, было заслушано 36 докладов (в том числе 15 чешских специалистов, 5 российских).

Организаторы симпозиума связали время его проведения с памятными датами жизни выдающегося чешского слависта Антонина Маценауэра (1823–1893), одного из основоположников славянской этимологии, значительный период деятельности которого протекал в Брно. Творческому пути ученого, обзору его научных трудов был посвящен доклад Е. Гавловой (Чехия) "К опублико-

ванным и неопубликованным трудам А. Маценауэра", в котором убедительно показан приоритет Маценауэра в разработке сравнительно-этимологического словаря славянских языков. Результаты его исследований в значительной своей части включены в словарь Ф. Миклошича. В докладе впервые опубликованы некоторые из ранее неизвестных словарных статей. Эта публикация была воспринята с большим интересом.

История болгарской этимологии стала предметом доклада И. Дуриданова (Болгария) "Достижения и перспективы болгарской этимологии". Автор осветил вклад болгарских ученых (Раковского, Герова, Младенова, Георгиева) в исследование происхождения лексики болгарского и других славянских языков, остановившись на критике их методики. В качестве первостепенной задачи болгарской этимологии докладчик назвал вскрытие пласта булгарского субстрата в болгарском языке. В дискуссии по докладу была отмечена значительная разработанность этого вопроса и спорность некоторых новейших решений этого плана.

Традиционно значительное внимание этимологов обращается к проблемам исторической фонетики. Ш. Ондруш (Словакия) в докладе "Индоевропейский переместительный аблаут и славянская этимология" предложил, исходя из структуры и.-е. основы $C_1VC_2VC_3V$ (т. е. по существу – базы Хирта), новые этимологические связи для ряда праславянских лексем (например, родство слав. *nevěsta со *snubiti и далее с греч. νύμφη), но фонетические реконструкции на индоевропейском уровне вызвали критику. Весьма интересные аспекты славянской фонетики были рассмотрены на материале славянских заимствований в неславянские языки. Р.-П. Риттер (Польша) в докладе "О пред-

полагаемом изменении $*o > a$ в некоторых славянских заимствованиях венгерского языка" показал теоретическую слабость гипотезы об упомянутом изменении (учитывая происхождение слав $*o < *ā$) и использовал данные фиксации a в венгерском для подтверждения позднего сохранения праславянского $ā$ (аканья по Георгиеву) Славянские заимствования в румынский язык М М и т у (Румыния) рассмотрел с точки зрения отражения праславянских слоговых плавных ("Праслав r, l в румынских словах славянского происхождения") и обнаружил разнообразие рефлексов, обусловленное различием славянских языков-источников, причем автор выявил влияние южнославянских заимствований на оформление полонизмов и особую экспрессивно-стилистическую роль южнославянизмов Впрочем, выступавшие в дискуссии по докладу предложили автору учесть потенциальную роль диалектных различий в славянских языках и собственно румынских диалектных различий

Словообразовательный аспект этимологии был также представлен весьма интересными докладами А. Лома (Югославия) предложил диахронический анализ типов славянских сложений ("Наблюдения над раннеславянскими именными сложениями и их индоевропейскими истоками"), начиная с индоевропейских прототипов и вплоть до ранней истории отдельных славянских языков Доклад вызвал всеобщее внимание и активное обсуждение обилием материала и новыми этимологическими решениями (например, $*rǫkavъ < *rǫko + ov-$ ($< -uti$), $*proso < i-e$ $pro-sH - 'сев'$, $*eskra < *āidhs-k'r-$, ср. греч αἶθος 'огонь' и слав $kuriti$) Впрочем, некоторые из этих новых этимологий были сразу же оспорены ($*proso$), подверглись критике и теоретические ориентиры автора (толкование префиксальных образований как сложений) Глагольному словообразованию был посвящен доклад В Со вы (Польша) "Греко-славянские сопоставления замечания к славянскому первичному презенсу" тщательное сравнение словоформ в отношении вокализма корня и структуры суффикса обнаружило ограниченность точных соответствий Необходимость пристального внимания к функциональной характеристике словообразовательной модели в этимологии продемонстрировал Б. Выкипел (Чехия) в докладе "Об одном нижнелужицком словообразовательном архаизме" автор оспаривает признанную исследователями возможность структурного отождествления (при суф. $*-ity$) и -луж. стар $knehsitz$ 'правитель, господин' со ст-чеш $kněžic$ 'сын правителя' в силу

различия значений и предполагает для -луж слова первичность $*kněžičь$, от $*kněžiti$ Слушатели высказали сомнения в реальности предполагаемых последующих преобразований

Собственно проблематике преобразований был посвящен доклад Ж В а р б о т (Россия) "К типологии взаимодействия этимологических гнезд", в котором предложена диахроническая и структурная типизация процесса сближения и смешения гнезд В дискуссии, наряду с признанием перспективности темы, были высказаны критические замечания о некоторых предложенных этимологиях ($орава$ – от $орать$ 'пахать', $дорогу$ $развезло$ – от др.-русс $вязати$) в отношении семантики

И Димитрова-Тодорова (Болгария) показала масштабы и направления преобразования отдельных лексем в докладе 'Названия растения *Helianthus annuus* в болгарском языке, примечательны изменения этимологически прозрачных образований в направлении "затемнения" структуры (ср $слънчоглѣд$ и $сансогле$, $цаницуклец$) и наибольшая вариативность в районах позднего распространения слова

С проблемой преобразований и, как следствие, затемнения этимологии слова связан по существу доклад К Л е ш б е р (Германия) "Неясные славянские этимологии и их распределение по семантическим полям". как наиболее богатые темными лексемами выделяются названия растений, животных, термины ландшафта, названия предметов быта, обрядовая терминология, отмечена архаичность структур, предполагается потенциальная архаичность и заимствованное (или субстратное) происхождение Хотя последние предположения достаточно спорны, полученные обобщения очень полезны как ориентир для определения направления новых исследований

Ряд докладов был посвящен этимологизации отдельных славянских лексем При этом отчетливо проявилось различие в обращении авторов к формальной (фонетической, словообразовательной) или семантической аргументации. На чисто фонетических данных и аргументах базируется доклад В Б л а ж е - к а (Чехия) " $*Ozero$ versus $*ezero$ " вариантность начала слова автор толкует как следствие изменения $o > e$ перед e следующего слога, предполагает родство $*ozero/*ezero$ с $*ězъ$ и реконструирует и -е $*ag^{h}ero- < *H_2e/og^{h}ero$ Семантическая аргументация преобладает в докладе Л К у р к и н о й (Россия) 'К реконструкции этимологических связей слав $*myliti$ 'обманывать, вводить в заблужде-

ние' опираясь на широкий славянский диалектный материал, автор обосновывает версию родства **myliti* со слав **muliti* 'измельчать, дробить'. Слушатели сочли спорным введение в этот круг родственных некоторых образований с начальным *х-*. Прекрасно аргументирована семантически версия образования русск *парень* в гнезде **sręti* (ср *спорый, поря, пореть*) А. Журавлевым (Россия, "Восточнославянские этимологии русск *парень*, укр *гарний*"), но модель появления долготы в корне существительного осталась необъясненной Т. Готоров (Болгария) посвятил свой доклад "О происхождении болгарских глаголов *отмалаям* (сов. вид *отмалая*), *премалаям* (сов. вид *премалая*)" исключительно семантическому обоснованию родства глаголов со значением 'ослабевать' и *мал*. Высказанные в дискуссии возражения касались спорности перехода 'маленький' → 'слабый' для болгарского языка. Весьма поучительный опыт объективного сопоставления нескольких этимологических версий, причем преимущественно в семантическом плане, представлен М. Белетич (Югославия) в докладе "Заметки к исследованию сербо-хорв *kojasiti se*" приведя исчерпывающий материал, автор предлагает два решения (к праслав **kojiti-* или к др.-инд *uaksa* 'появляться'). Слушатели отметили недоработанность морфологического аспекта обоих решений. Большой интерес, живое обсуждение и поддержку встретил доклад Л. Кралика (Словакия) "Из словацкой диалектной лексики", посвященный слову *Hariati* 'мифические великаны'. Слово возводится к названию ариан – последователей арианской ереси, изменения его значения связаны с историей религиозных представлений (вероятно, 'последователь арианства' → 'еретик, иноверец' [= 'сторонник реформации'] → 'великан'). В дискуссии были упомянуты различные коннотации лексем с семантикой 'иноверец' и желательность более детальной проработки этапа появления значения 'великан'.

В докладах симпозиума большое внимание уделено разным аспектам семантического анализа. Тщательный текстологический анализ, к которому присоединяется анализ диалектного материала и близкой лексики из других славянских языков, сравнительный анализ синонимичных слов, индоевропейские соответствия и т. д. позволили Ж. Шарпатковой (Чехия, "Замечания к семантике некоторых старославянских слов") внести существенные уточнения в принятые Пражским словарем старославянского языка (SJS) толкования семантики некоторых слов,

более точно определить отправные моменты в семантической эволюции этих слов и соответственно обосновать генетические связи слов в словаре. ср. уточнение значения ст.-слав *накладъ* 'кованая накладка, острие', ст.-слав *онъсица* 'тот, о котором была речь', ср. в SJS 'один, некий', ц.-слав *приплатити сѧ*, для которого восстанавливается родство с глаголом **plesti*, означало 'присоединиться к чему-л.', в SJS 'прилепиться', ст.-слав *сыгрѣшеник* ~ не только 'грех', но еще и 'ошибка', ст.-слав *покрѣта хлѣвъ отъ покрѣты*, сближаемое с ц.-слав *искрѣтати* 'разбивать', первоначально связано с помолом зерна, т. е. 'хлеб из размолотого зерна', а значение 'лепешка, хлеб' вторично и т. д.

Реконструкция древнего значения, семантической эволюции слова по сохранившимся в языке архаичным элементам нередко играет решающую роль при оценке или выборе того и иного этимологического решения. В процессе развития с ослаблением первичной семантики возникают новые ассоциативные связи, нередко только этот верхний семантический слой принимается во внимание при установлении родственных связей в словаре. Выявляя архаичные элементы в семантической структуре болгарских диалектизмов М. Рачева (Болгария, "К проблеме семантической имплицитности") на большом материале показывает, что за многими словами с разнородной семантикой, трактуемых в литературе как гомогенные образования, стоят гетерогенные омонимы. По мнению М. Рачевой, разные истоки имеют болг. *заезявам* 'заполнить пылью и дымом' (< **ęziti*) ~ *яз* 'плотина', *къртя* 'спать' (< **kr'uti*, звукоподражание) ~ *къртя* 'ломать' (< *(*s*)*ker-* 'резать'), *ноп* 'подпорка' ~ *ноп* 'священник', *тегар* 'кожаная сумка' (< вост.-иран) ~ *тега* 'палка' (< тюрк) ~ *тегара* 'бить' (~ **тегам*, *тегна* 'тянуть, дергать' < **teḡati*). В ряде случаев через семантику открывается путь к раскрытию аутентичной формы слова (ср. болг. *личей* < *дивличей*, название растения, *ретья се* 'буйствовать' < праслав *retiti se*).

В докладе В. В. Мартынова (Белоруссия, "Славянская этимология и скрытая двухкомпонентность слова") путем верификации принципа 'неизвестное через известное' (Бодуэн де Куртэне "В недоступном не может наблюдаться ничего такого, что не наблюдалось бы в доступном") с привлечением некоторых математических теорий (теория рекурсивной функции) обосновывается положение о двухкомпонентной структуре языковых единиц разных уровней (синтаксис словосочетаний, словообразование и т. п.). Именно эта исходная посылка лежит в основе предлагае-

мых автором решений семантических задач: ср. слав. **ne-vešta*, толкуемое как 'неродная' со второй частью, родственной ст.-слав. *вьсь* 'деревня', первонач. 'род'; слав. **čelo-veкъ* < **koli-veкъ*; слав. название крапивы **kopriva* из итал. **kapr-iva*, корневая часть совпадает с итал. названием козы (ср. лат. *capra* 'коза'), первонач. 'козья трава' и т. п.

В словарном составе языка особое место занимает лексика, сложившаяся по требованиям табу. В поисках этимологии важно учитывать условия появления заместительных слов, помогающих избежать прямого названия. Предметом рассмотрения И. Янышковой (Чехия, "К вопросу о табу в этимологии") стали связанные с магическими представлениями славян названия животных (волка, зайца, змеи), болезней (слав. **přitěka*), частей тела и т. п.

Проблема изменения семантического статуса слова в словаре в связи с переходом апеллатива в разряд терминов получила освещение в докладе В. Шаура (Чехия) "Значение, термин и референция в этимологии".

В докладе М. Гомоловой (Чехия, "Об интеграции калькированных значений в лексико-семантические структуры вообще и в структуру ст.-чеш. *přetoci* в частности") представлена детально разработанная для старочешского словаря семантическая структура ст.-чеш. глаголов *přetoci* и *přetáhati*, распадающаяся на две группы в зависимости от наличия или отсутствия объекта, особо выделяется один семантический фрагмент – интранзитивные глаголы, семантика которых калькирована с лат. *praevalere*.

На построение типологии семантической мотивации ориентированы исследования отдельных тематических групп словаря: доклады Г. Мироновой (Чехия) "Номинация головных уборов восточных славян в этнолингвистическом аспекте", Х. Дёйковой (Болгария) "Семантическая мотивация и принципы номинации славянских названий птиц" (на материале названия птицы *Carduelis carduelis*: чеш. *stehlík*, болг. *щиглец*, русск. *щегол* и т. д.). Анализ принципов номинации и семантических преобразований в группе лексем со значением 'толстый' (слав. **tolstъjъ*, **debetъjъ*), выявление мотивационных отношений в сфере славянской лексики со значением 'худой' (слав. **xudъjъ*, **тъščъjъ*) с привлечением индоевропейского фона предложен в докладе М. Якубович (Польша) "К исследованию семантических изменений в славянских языках".

Современная наука отмечена поисками разных подходов к восстановлению семантической структуры слова. Одно из активно

разрабатываемых направлений связано с изучением функционирования слова в контексте народной культуры. Этнолингвистический подход дает дополнительный материал для изучения семантической истории слова, способствует выявлению культурной функции слова, семантической мотивации. Значение этнокультурного аспекта в этимологических исследованиях продемонстрировано в докладе Е.Л. Березович (Россия), посвященном анализу одного из фрагментов свадебного обряда – «К специфике "культурной этимологии" (на материале русской лексики, обозначающей отказ при сватовстве)». Выявляемые автором мотивационные модели создают широкий смысловой фон, позволяющий понять семантические связи слов (ср. *кондырь* < *кондырь* 'вид шапки', *калечить* < *калега* 'вид брюквы' и т. п.).

Перед современной наукой стоит задача всестороннего изучения семантики слова во всем многообразии его проявлений на определенном синхронном срезе. Выявление устойчивых связей слова на синхронном уровне помогает решению этимологически трудных задач, вносит уточнения в общепринятые реконструкции исходной семантики. В докладе М. Бжозовской (Польша, "Этимология и коннотация слова в польском") в центре внимания оказываются семантические коннотации. Понимая этимологическое значение широко как структуру, содержащую ядро и периферийную часть (= семантические коннотации), автор на примере названий работы (*robota, praca*) и камня (*kamień, skała, gład, brylant, diament*) прослеживает, в каком отношении находятся этимологическое значение и семантические коннотации слова, какие устойчивые этимологические признаки и в каком объеме устойчиво, стабильно выражаются в клишированных связях слов, какие признаки можно отнести к категории переменчивых. Включение слова в ассоциативные связи является дополнительным резервом в комплексном подходе к этимологии.

Одна из важнейших проблем связана с исследованием славянского субстрата в неславянских языках. Пристальный интерес к этой проблеме продиктован тем, что субстратная лексика является одним из источников пополнения древнего состава славянского словаря. Субстратная лексика помогает полнее выявить процессы языковой интерференции, языковых контактов и на этой основе восстановить основные направления славянских миграций. В докладе Г. Хольцера (Австрия, "О словарном составе славянского субстрата на территории Австрии") ставится вопрос, из каких слоев состоит лек-

сика славянского происхождения на территории Австрии, которая в VII–XII вв. входила в область славянских поселений, с какими славянскими диалектами и культурно-географическими ареалами связана эта часть словаря. В составе субстратной лексики автор выделяет два культурных слоя – христианскую терминологию и лексику, связанную с торговлей. Эта лексика, по определению автора, имеет ярко выраженные признаки словенского и чешского языков. Сходство словарей *Slavia Orthodoxa* и западнославянского языковой области рассматривается как отражение культурно-исторических процессов, связанных с развитием торговых отношений и миссионерской деятельностью каролингов с центром в Зальцбурге. Эммераме. Именно с этими центрами связаны языковые особенности древних памятников – Евхологии Синайской, Фрейзингских отрывков, Киевских листов. Одно из важных наблюдений автора состоит в том, что в изучаемом ареале присутствует общий пласт лексики, обязанный воздействию древнего субстрата: ср. слав. **muto* < позднего. **mūta* и др. К проблеме русского субстрата в языках Сибири обращается в своем докладе А. Аникин (Россия, «Из работы над "Этимологическим словарем заимствований в языках Сибири"»). Проследивая процесс лексической интерференции русского языка и языков аборигенов Сибири (XVI–XVII вв.), автор выявляет слова, почти полностью утраченные в русском языке и сохранившиеся в виде заимствований (ср. плотничный термин в якут. *sakāt* 'выемка в краях досок' < русск. *zacad* = *закад* (*закат*) 'шпун, фальц в столярных работах' из словаря Джемса XVII в.), а также слова, которые, вопреки установившемуся мнению о заимствовании, относятся к той части русского словаря, которая сложилась под влиянием других языков (ср. селькуп. *pāmet* 'ключица' < русск. *память* в значении 'грудная кость птицы' в XVII в. под иноеязычным влиянием, ср. тат. *yādiš swāga* 'дужка ключицы' < перс. *yādādūst* 'я вспомнил', 'игра в ломаные дужки'). В ходе анализа уточняется происхождение некоторых слов: например, русск. *марь* 'болотистая местность' не заимствовано из якут *maap*, оно является реликтом праслав **mar-*, родственного др.-в.-нем. *muor* 'болото' < герм. *mōra-* (при кратком гласном в русск. *more*). Проблема доиндоевропейского и индоевропейского наследия в составе топонимических названий на территории Чехии и Словакии в контексте отношения языка и древних археологических культур посвящен доклад С. Палиги (Румыния, "Архаичные топонимы в славянском ареале"). К дославян-

скому наследию автор относит название *Praha* (< и.-е. **P-R-*, **B-R-* 'камень, гора' ~ *Brno*), *Plzeň* (< дои.-е. **P-L-*, **P-R-*), *Tatry* (< дои.-е. **T-T-*) и т. д. В ходе дискуссии методы реконструкции исходных форм были поставлены под сомнение.

Предложенный в докладе Х. Карликовой (Чехия, "О некоторых хорватизмах в старочешском языке") анализ языкового материала предостерегает против прямолинейного решения сложной проблемы взаимодействия старочешского и церковнославянского языка хорватской редакции. Автор пересматривает статус некоторых слов, традиционно относимых в литературе к числу хорватизмов. Углубленное изучение лексики заставляет усомниться в правильности традиционного отнесения ст.-чеш. *holet* 'иней, изморозь' (ср. чеш. диал. *holot*, *holot* 'гололедица', русск. *голоты*) к числу хорватизмов. Признавая исконный характер ст.-чеш. слова, автор предлагает новое этимологическое истолкование на основе чередования с продолжениями слав. **želd-* (ц.-слав. *жаѣница* 'гололедица'). Напротив, в отношении другого ст.-чеш. слова – *hradobit* 'град', в формальном и семантическом плане сходного с хорв. *gradobit* 'град' (ср. еще польск. арх. *gradobity* 'побитый градом', русск. *градобитие* и т. п.), с опорой на словообразовательный критерий, делается вывод о лексическом заимствовании *ad hoc* хорватского происхождения.

Обращаясь к проблеме "Заимствования в современных этимологических словарях славянских языков", Й. Рейнхарт (Австрия) приводит список лексемы, получившие неудовлетворительное объяснение в "Этимологическом словаре польского языка" А. Баньковского; вносит коррективы и дополнения в толкование ряда слов в "Хорватском этимологическом словаре" А. Глухака (ср. ст.-слав. *прѣтъча* – калька с греч. *παρά-βολή* ~ *βάλλειν*), в "Чешском этимологическом словаре" Й. Рейзека (ср. чеш. *slušet* в значении 'принадлежать' – семантическая калька с латинского; ошибочное объяснение слова *krysa* из русского и т. п.), в "Словенском этимологическом словаре" М. Сноя (ср. словен. *žebřati* 'просить', *kōnj*, *svila* 'шелк' и т. п.). В заключение в докладе приведены замечания автора по поводу истолкования слов *корь* и *льва* в "Этимологическом словаре старославянского языка".

Ареальные связи, выявляемые в ходе этимологического анализа, дают материал для понимания вопросов славянского лингвонеза, формирования диалектных отношений на карте праславянского языка. Разные аспекты этимологического исследования вы-

ступают на первый план при выявлении словенско-чешских изолекс в докладе Й. Рейзэка (Чехия) "Четыре словенско-чешских лексических изоглосс": словообразовательные и семантические аспекты наиболее существенны при изучении изолированных в словаре чеш. *koprnět* 'деревенеть, неметь' и словен. *koprněti* 'жаждать чего-л., стремиться к чему-л.', стар. 'очень бояться, деревенеть от страха'; реконструкция семантической эволюции стала основой для сближения чеш. *pot'ouchlý* 'лукавый, коварный' и словен. *potuhnjén* 'притворный, пронырливый, коварный'; новое этимологическое решение вытекает из сближения чеш. *pelichat* 'терять перья, шерсть' и словен. стар. *pelihá* 'веснушка, пятно на лице' < и.-е. **pel-* 'пятно' + *iha*, а также чеш. *oprat'* 'повод, возжи' и словен. *oprah* ~ **poriiti* 'проводить, сопровождать'. В развитие и подтверждение идеи В. Н. Топорова о наличии балтийского субстрата на землях Чехии И. И. Лучыц-Федарэц (Белоруссия, "О возможных чешско-балтийских параллелях") приводит целый ряд чешско-балтийских лексических изоглосс, который открывает новое направление в поисках древних лексических связей (чеш. *brečet* 'плакать' ~ лит. *brecet*, чеш. *suž* 'вощина' ~

лит. *sausa* 'сухая вощина', чеш. *šampat* 'шлепать по грязи' ~ лит. *šėptinti* 'шлепать' и т. д.).

Ст. Клоферова (Чехия, "Ареальная лингвистика и семантическое образование слов") прослеживает по материалам "Чешского лингвистического атласа" (т. 2, 1997: 65) территориальное распределение слов *bubák*, *pípa*, *rupík*, *šušej*, *muška* в значении 'усохшая часть цветка у яблока' и предлагает толкование слова *bubák* в контексте межъязыковых отношений.

Все доклады, прозвучавшие на симпозиуме, направлены на решение конкретных и общетеоретических задач, весьма существенных для развития этимологии. Симпозиум обогатил науку новыми идеями, дал образцы тщательной проработки материала, углубленного исследования отдельных аспектов этимологического анализа. Несомненно, материалы симпозиума привлекут к себе внимание славистов, они будут использованы составителями этимологических словарей. Особо следует подчеркнуть, что симпозиум был прекрасно организован, работа протекала в теплой, дружеской обстановке. Симпозиум способствовал сплочению славистов, работающих в области славянской этимологии.

Ж.Ж. Варбот, Л.В. Куркина (Москва)